

путем проведения аналогий двух (!) терминов: бур. нохай — «собака» с ненецким ноһо — «песец», и бур. шоно — «волк» с ненецким һона — «лисица». Не говоря уже о неудачном сопоставлении собаки и пса, волка и лисицы, которых охотничьи народы никогда не путают, автор, очевидно, не допускает мысли, что у монгол названия собаки и волка одинаковы с бурятским, что монголы, как и буряты, могли дать собственные наименования этим животным, не прибегая для этого к заимствованию из ненецкого языка. Кстати сказать, оба эти бурятских названия для волка и собаки известны в древнемонгольском языке.

В связи со сказанным необходимо напомнить, что советская историческая наука решает вопросы происхождения того или иного народа прежде всего в свете упомянутого выше указания И. В. Сталина и на основе сочетания различных видов источников, а именно: археологических, антропологических, лингвистических, исторических, этнографических, фольклорных и т. п. Только совокупность упомянутых видов источников позволяет охватить и исследовать сложный и длительный процесс происхождения того или иного народа. Только таким образом может быть решен этот вопрос и в отношении бурят-монгольского народа.

В заключение нельзя не упомянуть и о том, что главы рецензируемой книги написаны различным языком и стилем. Одни из этих глав снабжены научным аппаратом, другие его не имеют. Необходимо пожелать, чтобы в следующем издании этой весьма нужной и, несмотря на серьезные недостатки, все же ценной книги высказанные критические замечания были учтены.

Л. Потапов

Былины Севера, том второй. Материалы рукописного хранилища Сектора фольклора Института русской литературы Академии Наук СССР. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., 1951, 847 стр.

Книга А. М. Астаховой представляет ценный вклад в фонд публикаций русского былевого эпоса. «Настоящая книга является второй и завершающей частью издания, первая часть которого — «Былины Севера», том I — вышла в 1938 г.» — пишет автор (стр. 5). Это издание — результат многолетней экспедиционной работы «в пяти основных былинных очагах», причем и «в местах, в прошлом слабо обследованных» (стр. 5). Первый том содержит записи былин на Мезени и Печоре, второй — в Прионежье, Поморье и на Пинеге, включая около 150 текстов былин, записанных от 70 лиц в 44 населенных пунктах. Это показывает значительность объема проведенной собирательской работы. Записи текстов сделаны в основном самой А. М. Астаховой; часть текстов записывалась другими участниками экспедиций; З. В. Эвальд, И. В. Карнауховой, М. Б. Каминской, Н. Н. Тяпкиной и др.

Издание осуществлено на высоком научном уровне: оно отличается тщательностью записей в умеренной фонетической транскрипции, причем отмечаются «колебания произношения... характерные для живой речи» (стр. 7), продуманностью и полнотой научного аппарата — приложены биографические очерки о сказителях, подробные примечания, словарь к обоим томам (свыше 700 слов), ряд указателей, облегчающих пользование книгой и имеющих самостоятельное значение для изучающих русский эпос.

Наибольший интерес представляют тексты Прионежья, которые и количественно занимают в книге большую часть (99 номеров, в то время как с Пинеги — 37 номеров, а из Поморья — всего 9).

Бытование сюжетов былин разнится по районам записи: лишь около четверти текстов, преимущественно записанных в Прионежье, представляет сюжеты героических былин или новгородских городских новелл; свыше половины текстов, в основном с Пинеги и Поморья, — былины-баллады, приближающиеся к типу «безыменных эпических песен» (стр. 781) — «Дмитрий и Домна», «Роман и его дочь Настасья» и др.; остальные тексты — исторические песни, пародии, небылицы. Тексты неоднородны по качеству: наряду с текстами таких мастеров, как Н. С. Богданова, П. И. Рябинин-Андреев, братья Суриковы, от ряда сказителей записаны полузабытые, художественно неполноценные варианты.

Работа собирательницы была подчинена задаче выяснения состояния былинной традиции в конце 20-х — начале 30-х годов и изменений, произошедших в XX в. в былинном творчестве (особенно в семьях сказителей, от которых записи былин были уже сделаны собирателями XIX — начала XX в.). Район работы в Прионежье, проводившейся А. М. Астаховой и ее сотрудниками от научных организаций Ленинграда в основном в 1926 и 1931—1932 гг., частично совпал с аналогичной работой московских экспедиций 1926—1928 гг. (Государственной академии художественных наук, под руководством Б. М. и Ю. М. Соколовых), результаты которой были опубликованы¹. В примечаниях к «Былинам Севера» А. М. Астаховой указываются все случаи, когда дублетная или дополняющая запись от тех же сказителей была сделана и экспедицией ГАХН. Ряд повторных записей дает возможность исследовать вариативность текстов, а комментарии обоих изданий об исполнителях и бытовании былин взаимно дополняют друг друга.

¹ См. сборн. «Онежские былины», Летописи Гослитмузея, т. 13, М., 1948.

Биографические очерки, данные составительницей в рецензируемом издании, обстоятельны и рисуют живой образ сказителя. Они сообщают сведения о его жизни, характеризуют особенности его исполнения, указывают, от кого усвоены им тексты былин и каково его отношение к их содержанию. Для наиболее выдающихся сказителей, указана литература о них, а для тех, кто стал составлять эпические произведения на советскую тематику,—перечислены и эти произведения. Отмечая участие сказителей на творческих съездах и конференциях в Петрозаводске, Москве, Ленинграде, работу их на выборных должностях, автор рисует сказителей как граждан нашей советской страны, живущих полноценной жизнью.

А. М. Астахова фиксирует знание сказителями других жанров фольклора, благодаря чему они выявлены как подлинные мастера устного слова вообще, чего не доставало в сборниках прежних собирателей. Понятнее становится и обильное включение в былинные тексты причетов, пословиц и поговорок и использование стилистических особенностей сказок.

Особо подчеркивается в очерках и примечаниях «артистизм» исполнения (стр. 614), «артистическое дарование» сказителей. Очень интересно наблюдение, свидетельствующее, что привычка сказителей к пению былин за работой, «на льдинке» — рыбной ловле, за домашними делами и т. д. требовала создания этой трудовой обстановки и при пении былин во время записи; так, например, один из сказителей взялся за плетение сетей, другой начал сапожничать, чтобы исполнение шло свободнее.

Классификация сказителей по манере передачи ими традиционных сюжетов в примечаниях ко второму тому «Былин Севера» кажется несколько схематичной. Преувеличенно подчеркнута также значение ремарок сказителей при исполнении былин; А. М. Астахова дает исчерпывающую фиксацию их, распределяет по типам и пр.; но следует учесть, что если ремарки и имеют место при обычном исполнении былин для односельчан, то при исполнении для собирателя (всегда в несколько искусственной обстановке и большей частью в замедленном темпе) обилие ремарк сильно возрастает, так как сказитель стремится заполнить пробелы во времени и создать контакт со слушателями, которые обычно присутствуют при записи. Может быть, более правильную картину давали именно те собиратели, которых А. М. Астахова критикует за то, что они отмечали лишь наиболее важные ремарки (стр. 695).

А. М. Астахова, что вообще характерно для ее работ по русскому эпосу, берет в поле зрения этнографические черты в былинах, но ограничивается отдельными попутными замечаниями, притом далеко не исчерпывающими. В примечаниях она указывает «наличие... черт обыденной бытовой обстановки» в былинах (стр. 791; ср. также замечания на стр. 260, 471, 703, и др.).

Однако значительное число характерных для Севера «реально-бытовых деталей» автором не отмечено. Так, например, в текстах сборника имеется отражение занятия в прошлом крестьян на Севере моржовым промыслом: Илью Муромца враги опутали «ремнями моржовыми» (стр. 341); местный олонечский способ перевозки грузов на кережках — ручных лодкообразных саночках виден в иносказании царя Соломана об идущих на свою гибель, не зная этого, его жены-изменницы с новым мужем и их советчика:

Перьва-то карёжка сама идёт,
А другую за собой ведёт,
А третью будто цёрт несёт (стр. 30).

В былине о Чуриле обычная фраза о том, что Катерина его «скатны саночки взяла да на сарай сволокла» (стр. 249), говорит о хранении хозяйственного инвентаря, в том числе и саней, на нежилой половине второго этажа северной избы. Особенно же богаты местными образами небылицы (№ 215, 220): «на ели корова да белку злѣла» (стр. 609), «по песку медведь на лыжах шол», крестьянин на горе «засеки бил», чтобы рыбу ловить (стр. 627) и т. п.

«Областные традиции», о которых неоднократно говорит в книге автор, не связаны, однако, с конкретной историей края, с трактовкой сюжета, обусловленной локальной, исторически сложившейся обстановкой.

Автор также почти не касается исторического момента в былинах. Поскольку все же кое-какие исторические черты отмечены, эта неполнота неоправдана, тем более, что тексты, помещенные во втором томе «Былин Севера», широко отражают материальную и духовную культуру древней Руси.

В примечаниях А. М. Астаховой, правда, имеются отдельные отсылки к истории, но конкретного в них мало. Приведено соответствие некоторых имен половецких и татарских ханов именам былинных вражеских царей и богатырей, отмечено отражение «военно-бытовых явлений» эпохи татарщины (стр. 800), сохранение в новгородских былинах «исторической обстановки Новгорода XIII—XV вв.» (стр. 704). Также общо говорится о значении борьбы с разбойниками в древней Руси, отраженной в былинах об Илье Муромце.

Периодизация былин, которой придерживается автор, во многом спорна. Создание былин относится, как можно понять из контекста, в основном к периоду монгольского завоевания, в то время как комплексное изучение культуры древней Руси заставляет отодвинуть эпоху сложения былин к более раннему времени — рас-

цвету могучей Киевской Руси. Об этом говорят не только упоминания в летописях домонгольского периода и в «Слове о полку Игореве» эпических певцов — гордого Митусы и «вещего Бояна», но, главное, сама обстановка былин.

Былины в качестве исторического источника привлекаются специалистами смежных дисциплин, и археологи, историки, искусствоведы кропотливо отыскивают в эпосе упоминания о древнерусских постройках — гридницах, расписных теремах, «мостах» — настилах, о златокузнецных изделиях: оружии, утвари. Многому, упоминаемому в былинах, археологи находят аналогии в материале раскопок. Так, например, интересные данные могут быть привлечены для объяснения былинного погребения Михайлы Потяка вместе с женой и конем в особом срубе. Фольклористы же, как это сказалось и в рецензируемом сборнике, упорно игнорируют достижения исторической науки последних десятилетий, в особенности археологии, ограничивая свои исторические экскурсы тем, что было известно о культуре древней Руси еще в конце XIX — начале XX в. Вследствие этого фольклористика не только обедняет себя, но и оказывает плохую услугу ученым других специальностей, ведущим плодотворную работу по изучению, древнерусской культуры и привлекающим фольклорный материал. Из-за устарелости методики исторического исследования эпоса и принятия на веру отдельных положений, в свое время вошедших в научный обиход и некритически используемых рядом фольклористов, особенно в примечаниях к изданиям былин, вновь и вновь повторяются основные ошибки так называемой «исторической школы»: гипноз совпадения имен, в действительности легко подменяемых сказителями, недоучет значения вариативности текстов и произвольность построений на основе материала отдельных вариантов, выхватывание из органически целостного произведения сложного былинного жанра отдельных мотивов и образов.

Лишен исторического аспекта и «Словарь местных и старинных слов». Подавляющее большинство слов объяснено только из северно-великорусского диалекта, в их этнографическом значении, а не по тому значению слова, которое оно имело во времена сложения былин; вследствие этого смысловой оттенок ряда слов стерт. Так, объяснение слова гридница — «гридня, гридень, гриднюшка (*светлая гриднюшка*) — комната, покой» (стр. 818) ничего не дает. Последние работы археологов и историков (например, статьи Н. Н. Воронина в I и II томе «Истории культуры древней Руси», М.—Л., 1948, 1951) устанавливают, что гридница — термин, бывший в ходу в X—XI вв., обозначал особое строение для совещаний, пиришеств и пр. в дворцовом комплексе. Именно в историческом значении этого термина (а не в случайном его осмыслении) слово гридница вошло в былевой эпос. В словаре, несомненно, должно быть отражено также первоначальное историческое значение слов, сохраненное былинами. К сожалению, этого нет. Не вскрыта историческая специфика и ряда других терминов (например, «заства — сторожевой пункт», «палица — дубина», «челядинная девка — служанка, чернорабочая» и др.).

К текстам рецензируемого сборника приложены нотные записи былин (24 номера). В небольшой статье «Некоторые наблюдения в области исполнения былин», помещенной в книге, А. М. Астахова сколько-нибудь касается и их «мелодической стороны»: пение сольное и хоровое (в унисон и с подголосками на Пинеге), перемежающееся с декламацией или просто «сказывание». Не все, отмеченное собирательницей, представляется заслуживающим такого пристального внимания: дифтонгирование и вставка редуцированных гласных не представляют специфики исполнения былин, а широко распространены и при народном исполнении других песенных жанров, даже частушек. Мало что дает подробное перечисление (на стр. 684—686), какие именно частицы вставляет при пении тот или другой сказитель. Не стоило приводить и образцов текстов с незначительными различиями при сказывании и пении (стр. 683).

Хочется подробнее остановиться на положительном опыте составительницы в отношении оснащения книги научным аппаратом, так как по существу до сих пор не выработана унифицированная система примечаний, указателей и т. д. в фольклорных изданиях. Целесообразно, что примечания развиты А. М. Астаховой не по отдельным номерам собрания, а по сюжетам, что избавляет примечания от повторений и громоздкости. В примечаниях даны ссылки на все печатные варианты — в дореволюционных и советских изданиях отдельно — и на рукописные, хранящиеся в архиве экспедиций в Пушкинском доме, с указанием основных отличий, дополнений и пропусков, имеющих в публикуемых в «Былинах Севера» текстах. Это сразу включает новые тексты в научный обиход, связывая их со всем имеющимся фондом записей русского эпоса, и придает научную значимость даже слабым и спутанным текстам. При тщательности объяснения всех сокращений почему-то остались нерасшифрованными буквы (к) и (пр) в некоторых ссылках на сборники былин.

Облегчает пользование книгой то, что в «Содержании» даны три колонки цифр: при названии каждой былины ее порядковый номер, страница текста и примечаний. Непонятно, почему составительница отказалась от колонтитулов, принятых во всех научных изданиях былин. Подробно разработаны алфавитные указатели былинных сюжетов, исполнителей, населенных мест, дающие совместно выразительную картину экспедиционной работы и бытования былин.

Словарь (который все же было бы целесообразнее давать отдельно к каждому тому) содержит указание на район, где бытует слово в данном значении; в ряде случаев слово приведено и в контексте.

В отношении транскрипции можно было бы пожелать несколько большей упрощенности — отказа от употребления *h*, от фиксации отклонений транскрипции от произношения, свойственных и литературному языку, от неслогового *ʒ* и *ё*, которое отмечено неполно (по одному-два раза) в текстах, записанных другими собирательницами (№ 122, 170 и др.). Неоправданно соблюдение явных описок или ослышек при полевой записи: «Лучка об лучку покалачиват» (стр. 390), когда в предыдущей строчке говорится «Ножка о ножку», так что ясно, что речь идет о руке.

Отдельные недочеты нисколько не снижают большого научного значения этой бесспорно ценной и полезной книги, издание которой реализует материалы продолжительной собирательской работы.

Р. Липец

Коста Хетагуров. *Собрание сочинений в трех томах*. Изд. АН СССР, М., 1951.

Рецензируемое издание осуществлено Академией Наук СССР совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом по постановлению Совета Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 21 июля 1939 г. как одно из мероприятий по увековечению памяти великого осетинского народного поэта, революционного демократа, основоположника осетинского литературного языка, в связи с 80-летием со дня его рождения. Произведения Коста Хетагурова при советской власти издавались неоднократно, но в таком полном издании они выходят впервые.

В первый том рецензируемого издания вошли написанные на осетинском языке стихи, составляющие цикл «Осетинская лира» («Ирон Фæдър»), и поэма «Хетæг», с параллельными русскими переводами, сделанными поэтами т. Тихоновым, М. Исаковым, В. Казиным, П. Панченко, А. Шпиртом, Б. Ирининым и др. Произведения, написанные на осетинском языке, в которых нашла яркое отражение тяжелая и бесправная жизнь трудящихся горцев, находившихся под двойным гнетом — местных феодалов и царских чиновников, — пользуются особенно большой популярностью среди осетинского народа. Еще до установления советской власти, когда основная масса осетин была совершенно неграмотна, очень редко можно было найти горца, который не знал бы «Додой» («Горе»), «Ныфс» («Надежда»), «Чи д» («Кто ты?») и других произведений из «Осетинской лиры», ставших боевыми революционными народными песнями осетин, призывавшими на борьбу с эксплуататорскими классами и царскими колонизаторами.

Во втором томе опубликованы произведения, написанные поэтом по-русски, — 78 стихотворений, поэмы «Фатима», «Кому живется весело», «Перед судом», «Плачущая скала», «Хетæг (Начало никогда не имеющей быть оконченной поэмы)», рассказы «Охота за турами», «Стоит только подняться от Мышиной тропы», «Сегодня я окончил свои вечерние занятия» и пьеса «Дуна».

В третьем томе напечатаны публицистические статьи и письма (последние издаются впервые). Публицистические работы и письма, помещенные в хронологическом порядке, показывают широкие и разносторонние интересы Коста Хетагурова.

Произведения, написанные на русском языке, ставшем для Коста Хетагурова, как и для многих других прогрессивных деятелей из осетин того времени (братьев Шанаевых, И. Канукова, Г. Цаголова и др.), вторым родным языком, также ярко отражают различные стороны тяжелой и бесправной жизни трудящихся горцев.

В предисловии к рецензируемому изданию, написанном Татари Епхивым, довольно полно охарактеризованы жизнь, творческий путь и общественно-политическая деятельность Коста Хетагурова. Автор предисловия широко использовал материалы из воспоминаний современников поэта и его письма, представляющие исключительный интерес для характеристики общественно-политической деятельности Коста Хетагурова, относящейся к 1880—1890-м годам, к периоду царствования Александра III, снижавшего себе репутацию «всероссийского жандарма». Это был период черной реакции, когда прогрессивные деятели русского общества томились в ссылках и тюрьмах, когда народы окраин царской империи, и в частности горцы Северного Кавказа, стояли под тяжелым гнетом бесправия. В этих условиях Коста Хетагуров выступил как пламенный трибун на защиту обездоленных горцев против царских колонизаторов, местных помещиков и буржуазии. «Проникнутый идеями русских революционных демократов, — пишет Т. Епхив, — Чернышевского, Добролюбова и Некрасова, Коста прекрасно понимал, что правящая верхушка царского самодержавия отнюдь не вся нация, что русский народ и его передовые идеологи никак не разделяют стремлений правительственной клики. Коста связал борьбу осетинского народа с борьбой великого русского народа против царизма, против помещиков и иных эксплуататоров» (стр. 20).

В защиту интересов горцев Коста выступал на страницах многих местных и центральных газет.

К сожалению, публицистические произведения Коста Хетагурова, занимавшие, как известно, важное место в его творчестве, в предисловии рассматриваются очень бегло, а некоторые из них, как, например, популярный этнографический очерк «Особа», известный в кавказоведческой литературе как одна из лучших работ по быту осетин дореволюционного периода, совершенно не упоминается.